

Надежда Митрофановна Середина родилась в Воронеже. Окончила филологический факультет Воронежского государственного педагогического института и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Автор более двадцати книг прозы и многочисленных публикаций в газетах и журналах. Лауреат премии журнала «Мир женщины». Член Союза писателей России. Живет в Московской области.

Надежда Середина

ЖЕСТКАЯ ПОСАДКА

Рассказ

Выросли у матери три сына: старший Андрей, средний Александр и младший Илья. И выпорхнули из дома, как птицы из гнезда.

Как-то шла она в аэропорт встретить их. Лететь им всего час, но погода не совсем летная, гололед и туман. Новый год уже прошел, и теперь были святки, рождественские праздники. Напекла мать пирогов, замотала в полотенце, чтобы не остыли, и положила в сумку.

Мать пришла встречать в аэропорт, взволнованная и радостная от желания скорее обнять трех сыновей, услышать их голоса.

— Самолеты не обледенели? — спросила она летчика, мимо шедшего. — Один раз в неделю летают.

— Их обрабатывают. Не волнуйся, мать, — успокоил летчик. — Тебе, мать, какой рейс нужен? Нарьян-Мар — Каратайка — Варандей — Нарьян-Мар? Триста семьдесят километров всего. Не переживай мать за своих сыновей. — И вдруг зашел: «Я не люблю себя, когда я трушу, опасно мне, когда невинных бьют...»

— Не люблю, когда опаздывают, сердце не на месте. — Она раскрыла сумку, запахло пирогами. — Вот, угощайтесь. Еще тепленькие.

— Не волнуйся, мамаша, там мой друг первым пилотом. Целы все будут.

— Вдруг замерз самолет? Как не волноваться? У меня три сына летят: Илья, мой младшенький, славный, что ангел.

— Если крылья покроются льдом, их почистят и прилетят. Наши ребята мужики настоящие, герои. Я четверть века тут. Люблю север.

— Дух братолюбия, дух терпения. О спасении своем и ближних... — шепчет женщина, не слушая его. И вдруг вскрикнула: — Илья, Илья! Спаси детей моих.

Летчик промолчал и пошел к своему самолету.

Действительно, самолет АН-2 обработали от обледенения, и он поднялся с опозданием. Он маленький, на двенадцать пассажиров всего. Лететь около часа.

Металлические сиденья по бокам: шесть — с одной стороны и шесть — с другой. Холодные, садишься, как в снег. Летели кто куда, а сыновья — к матери. Илье одиннадцать лет, он младший, и радость свою он не скрывал:

— Смотри, Саш! — Илья рад, что все братья рядом с ним, рад, что их ждет мать с домашними пирогами. И от радости запел: «Только самолетом можно долететь!»

— Экипаж приветствует пассажиров! — весело обратился к ним старший пилот. — Через час будем дома!

— Летим. Сиди, не прыгай, — успокаивал Илью старший брат Андрей, он был за старшего. — Пристегни ремень! Сиди тихо!

— Море, океан снега! Снег голубой, как Баренцево море! Смотри!

Илья крутил головой, заглядывая в окно-иллюминатор.

И вдруг видит — в землю летим?!

— Группируйтесь! — крикнул старший брат.

— Группируйтесь! — закричал и Саша.

Страх за всех был. Лишь бы никто не погиб.

Илья опустил голову в колени, обхватил ноги руками. И пронзительно закричал: «Мама! Мама!!!»

А тут динамический удар — он с сиденья и улетел кубарем вперед. Люди, сумки, рюкзаки — все смешалось. И зловещий, едкий, пластиковый дым полз из кабины пилота.

Саша увидел — мотор горит.

— Илья! — крикнул брат. — Ты где? Вылезай!

Илья плакал, закрыв лицо руками, и шептал, словно молитву: «Мама, мама...»

— Илья! Илья! Вылезай на улицу! — кричал Саша. — На улицу все!

В дыму кричали люди. И видит мальчик: мать-птица крыльями машет, а из рукавов пирожки сыплются. Он ловит их и смеется. А мать-птица говорит: «Илья, слушайся старшего брата, он тебе вместо меня».

Илья убрал руки от лица. И поднялся Илья, и стал пробираться к брату. Увидел брата и услышал его:

— Дверь не заклинило. Вылезайте! Вытаскивайте всех! Пошел дым. Будет хуже. Надо всех достать.

— Мы все в завале.

— Пацаны, помогаем летчикам. В кабину!

Парни друг другу помогали. Понимали с полуслова, как на войне. Словно это отделение из пяти человек, а командир ранен. Андрей и Михаил растаскивали завалы. Саша через завалы передал Андрею огнетушитель. Парнишка огнетушитель подал, а сам — в кабину. Четверо как слаженное отделение работали.

Кабина пилота уже задымилась. У одного пилота горели ноги.

— Парнишка! Потуши огонь! — хрипло крикнул пилот.

— Ага!

— Горит приборная панель. Панель туши! Быстрей!

Андрей направил огнетушитель на панель. Резко шибанул в нос шипящий пластик.

— Гаси! Туши пламя! — Вторым пилот подсказывал парню, что делать и где что находится.

Первый пилот, командир, не подавал признаков жизни.

— Смотри, чтобы огня не было. Туши быстрей! — Вторым пилот подсказывает. — Туши! А то взорвемся.

— Понял.

— Как тебя зовут?

— Саша.

— Саша, связь нужна. Звони 112. Ищи аптечку.

Пилот помогает, подсказывает Саше.

Вытащили пилота, а у него кровь не останавливается.

— Андрей, ищи аптечку!

— Где?

— В кабине.

— Нету. Вся кабина пилота смята.

— Я полез на обледенелое крыло самолета, ловить связь.

— Ловит?

— Нет.

— Выше заберись!

— Поймал.

Саша говорил со спасателями. Вычислял, где они упали.

Андрей залез к нему на крыло. Саша передал брату телефон.

— Мы не можем летчику кровь остановить, — голос Андрея осип на морозе.

Спустились с крыла, как с ледяной горки.

Михаил с братьями понимали друг друга с полуслова.

Наложили шапок, маек на рану пилота. Надавили, прижали. Кровь остановилась.

На улице разложили всех пострадавших на снегу. Начали поддерживать — то есть разговаривать, чтобы они не выключались. Саше четырнадцать лет, но сила духа и храбрость — уже мужская.

В поселке Каратайка поисковый отряд собрали быстро, но долго не могли найти самолет.

Снегоход петлял во мгле тумана и снега. Люди укутались сами и держали охапки теплых вещей.

Снегоход метался в снежной мгле, то ли приближаясь, то ли отдаляясь от самолета. Связь прерывалась. Север. Баренцево море рядом.

Потом ребятам позвонили из МЧС. Сказали, что снегоход их ищет. Едут медики. Везут теплую одежду, лекарства, бинты.

Медики приехали. Стало легче, а главное — спокойнее. Привезли даже шапки, варежки, валенки, одеяла.

И Андрей вдруг почувствовал боль в ноге. И наступить не мог. Сел на снег, закрыл лицо руками.

Медики и жители помогали. Всех одели, всех накрыли. Те, кто был в сознании, тоже помогали другим.

Большие молодцы медики. Если бы не они, было бы все плохо.

...Сердце матери — вещун. Задремала. Вдруг слышит — Илья зовет: «Мама! Мама!»

Побежала в аэропорт. А сама шепчет: «Дух братолюбия, дух терпения. О спасении своем и ближних... Молю тебя, Илья Пророк».

Слышит: один самолет приземлился, вот и второй летит самолет. Но не видно его. Голос мотора слышен, а его не видно. Потом удар. Туман. И не видно. Куда звук, туда и мать. Темно стало. Разворачивается? Где? Где самолет?

Звонит опять и опять на 112:

— Авария? Где мои дети? Живы? Все? В больнице? Пилот погиб? Что? У них там крылья все во льду? Час лететь всего надо было. Знаю я. Что? В пятнадцать часов пятнадцать минут в десяти километрах от Каратайки самолет совершил жесткую посадку? Мои дети живы?..

Половина шестого — она побежала в больницу. Там сказали, что двое погибли, пять пострадали?

Перевезли пострадавших в поселок Каратайка. Разместили в школе-интернате.

У Андрея перелом лодыжки.

Медсестра шутит, успокаивая:

— Жесткая посадка. Упали, как будто с телеги перевернулись. Чудно. Почти все живы. Первый пилот спас их, а сам погиб. Илья. Имя хорошее. Пророк Илья был взят на небо живым. А потом явился на горе Фавор. Я сон видела: огненная колесница по небу летит, а в ней 12 человек.

— Я в Ильин день родила Илью.

— Илья — это значит «мой Бог». Илья Пророк — покровитель воздушных сил, летчиков.

Илья сидит на кровати, закрыл лицо руками, слушает и сам не верит, что с ним было.

Потом, когда пришли журналисты, мать рассказывала:

— Сама так воспиталась. Так воспитала сыновей. Я с Ильей всегда разговаривала. «Вот смотри по телевизору, — говорила я им. — Вот так надо делать ради других». Читала ему про Илью Муромца. Для кого-то они сейчас герои, а для меня — просто сыновья, дороже которых никого нет.

